

АНГЕЛ НА ТВОЁМ ПОДОКОННИКЕ

Она рисовала пальцем узоры на стекле, повторяя морозный рисунок, расписавший окно, и Габриэль, со скепсисом наблюдая за её бессмысленными движениями, отрешённо думал, что люди всё же странные и непостижимые для его сознания существа, в основном тратящие свою жизнь на совершеннейшую ерунду – пустое и бесполезное созерцание улицы за окном, иррациональную ругань друг с другом, ненужную суету или как эта – изо дня в день глупо ждущая момента, когда по парку напротив пройдёт крепкий светловолосый парень, не просто не подозревающий о её существовании, а даже не замечающий её попыток попасться ему на глаза.

Он не запомнил бы её лица, даже бросься она ему под ноги на своей громоздкой коляске. Возможно, извинился бы и, как ни в чём не бывало, пошагал дальше, не заметив ни лихорадочного блеска в её глазах, ни нервно сжимающихся и разжимающихся пальцев, потому что для него она была пустым местом – таким же, как десятки деревьев, растущих в парке, или дорожка, по которой он каждый день совершал свой путь из дома в университет и обратно.

Милосердный бог, да этот самовлюблённый нарцисс не обращал на неё внимания даже тогда, когда она была здорова и, подкарауливая его за углом, семенила за ним следом, словно бездомная собачонка, наивными, широко распахнутыми глазами восхищённо следя за каждым его жестом! А теперь – и подавно!

Глупые люди почему-то чаще всего делают неправильный выбор, влюбляясь в кого-то, совершенно не подходящего им ни по духу, ни по характеру, ни по образу мыслей, а потом начинают страдать от одиночества, безответности или непонимания.

Ещё один парадокс. Но... не будь его, ангелы-хранители остались бы без работы.

Хотя какая это работа – наблюдать за совершенно заурядной и до скукоты правильной девчонкой, от которой проблем-то не больше, чем от окна, на котором она сейчас так самозабвенно вырисовывала пальчиком вензеля.

Попотеть Габриэлю пришлось лишь раз, спасая её из страшной аварии, что забрала жизни её родителей, а саму приковала к инвалидному креслу. Но в том не было её вины – только пьяного водителя внедорожника, выскочившего на встречу и отделавшегося переломом руки и нескольких рёбер. В дорогих машинах ведь и безопасность соответствующая, а вот у старенькой девятки, которую покойный отец девчонки ласково называл «Дуней», шансов не было никаких.

Зато шанс появился у мелкой сероглазой дурочки с забавным в прямом смысле этого слова именем Забава, когда верховному архангелу в наказание за предыдущего подопечного взбрело в голову наградить Габриэля этим «счастьем» и сказать, что она его последний человеческий шанс. И если ангел не справится – его понизят и переведут охранять кошек и собак.

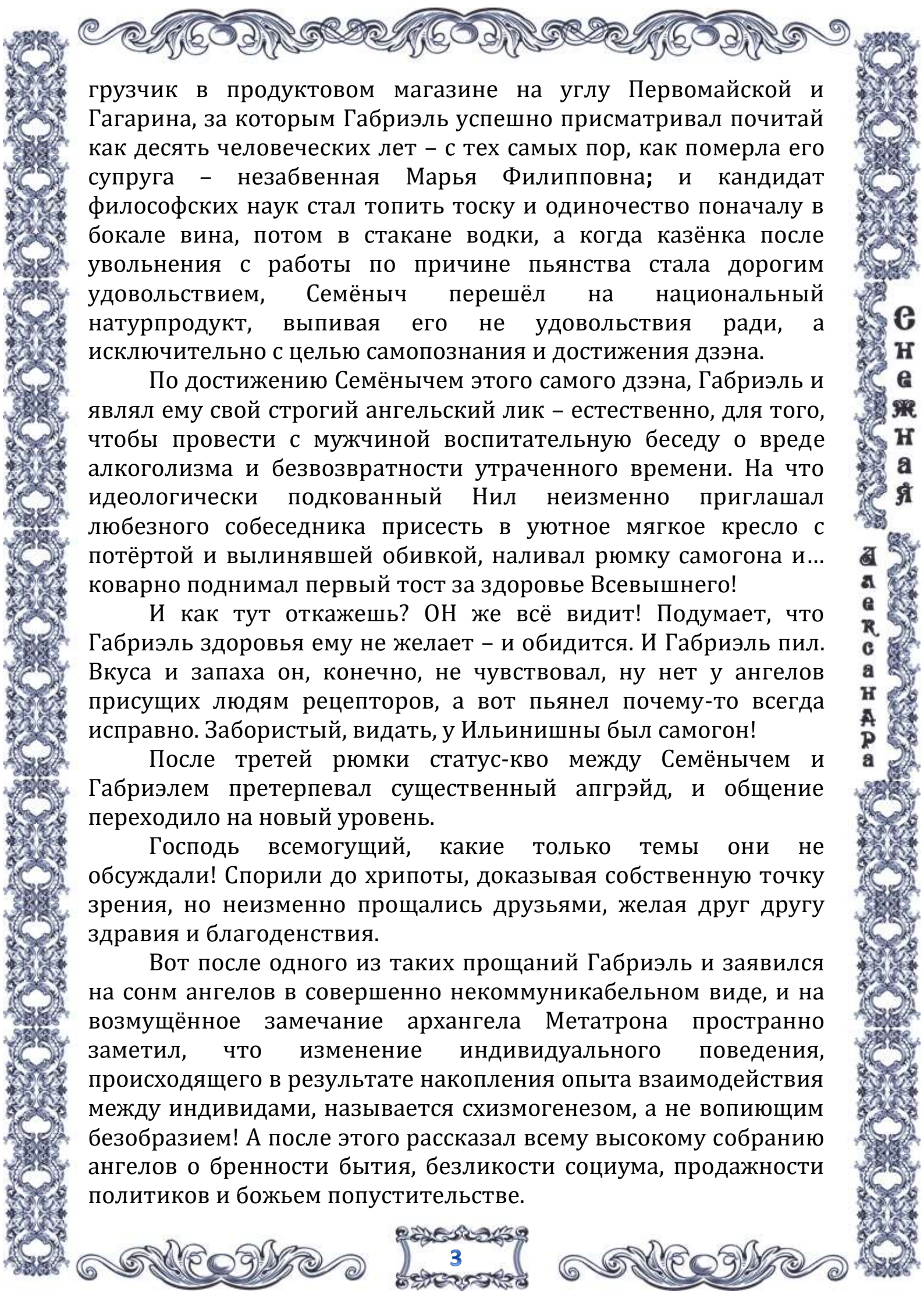
Кошек Габриэль боялся ещё больше, чем угроз Верховного.

Лохматые своенравные существа, вечно линяющие, мстительно гадящие хозяевам в тапки, истощно орущие под окнами по весне и совершенно не отличающие красного сигнала светофора от зелёного, были потенциальными самоубийцами. С такими ни сна, ни покоя, не говоря уже о «поговорить».

То ли дело пьяницы! Благодатный материал! С такими, в момент их душевного расстройства, можно и пофилософствовать, и пообщаться на любую тему. А поутру они если и вспомнят беседу с ангелом, то спишут её или на некачественный самогон, либо на перебор с его количеством.

На самогоне Габриэль и погорел.

У бойкой грудастой бабы из 151 микрорайона, которую местный бомонд алкашей ласково величал «Свет Ильинишной», продукт двойной перегонки был чистым, как слеза, и крепким, аки яйца у железного человека. Так, по крайней мере, утверждал Нил Семёнович – меценат и философ, а по совместительству

грузчик в продуктовом магазине на углу Первомайской и Гагарина, за которым Габриэль успешно присматривал почитай как десять человеческих лет – с тех самых пор, как померла его супруга – незабвенная Марья Филипповна; и кандидат философских наук стал топить тоску и одиночество поначалу в бокале вина, потом в стакане водки, а когда казёнка после увольнения с работы по причине пьянства стала дорогим удовольствием, Семёныч перешёл на национальный натурпродукт, выпивая его не удовольствия ради, а исключительно с целью самопознания и достижения дзэна.

По достижению Семёнычем этого самого дзэна, Габриэль и являл ему свой строгий ангельский лик – естественно, для того, чтобы провести с мужчиной воспитательную беседу о вреде алкоголизма и безвозвратности утраченного времени. На что идеологически подкованный Нил неизменно приглашал любезного собеседника присесть в уютное мягкое кресло с потёртой и вылинявшей обивкой, налил рюмку самогона и... коварно поднимал первый тост за здоровье Всевышнего!

И как тут откажешь? ОН же всё видит! Подумает, что Габриэль здоровья ему не желает – и обидится. И Габриэль пил. Вкуса и запаха он, конечно, не чувствовал, ну нет у ангелов присущих людям рецепторов, а вот пьянел почему-то всегда исправно. Забористый, видать, у Ильинишны был самогон!

После третьей рюмки статус-кво между Семёнычем и Габриэлем претерпевал существенный апгрэйд, и общение переходило на новый уровень.

Господь всемогущий, какие только темы они не обсуждали! Спорили до хрипоты, доказывая собственную точку зрения, но неизменно прощались друзьями, желая друг другу здравия и благоденствия.

Вот после одного из таких прощаний Габриэль и заявился на сонм ангелов в совершенно некоммуникабельном виде, и на возмущённое замечание архангела Метатрона пространно заметил, что изменение индивидуального поведения, происходящего в результате накопления опыта взаимодействия между индивидами, называется схизмогенезом, а не вопиющим безобразием! А после этого рассказал всему высокому собранию ангелов о бренности бытия, безликости социума, продажности политиков и божьем попустительстве.

За что, собственно, и был сослан в ангелы-хранители к непьющей, не злоупотребляющей, неподверженной вредным привычкам, со всех сторон положительной Забаве Семицветовой девятнадцати лет от роду.

Той самой, что сейчас, углядев за окном объект своих тайных вздыханий, резко подтянулась руками на подоконнике, перенося на него из кресла своё худенькое тело.

Руки у неё были сильные. До аварии девчонка занималась спортивной гимнастикой и даже имела неплохие результаты, о чём свидетельствовали многочисленные награды, хранящиеся в серванте за стеклом. Конечно, сейчас от них толку не было никакого – одни хлопоты. И, видимо, для того, чтобы не стирать с них ежедневно пыль, хозяйка и закинула их с глаз подальше в кладовку. А вот руки теперь служили Забаве верой и правдой, компенсируя ограниченные возможности передвижения.

Засмотревшись на её руки, Габриэль и упустил момент, по причине которого девушка вдруг резко дёрнула поворотную щеколду окна и распахнула створку, жадно хватая морозный воздух искусанными до красноты губами.

Взгляд у неё был какой-то рассредоточенный и совершенно пустой, какого ангел-хранитель за подопечной ранее не замечал. Иногда она, правда, впадала в задумчивость и отрешённо глядела в одну точку, но затем неизменно хватала тетрадку, что-то торопливо и сумбурно туда записывая мелким кудрявым почерком, который Габриэль при всём уважении к девушке не разбирал и вполовину.

Всю эту ерунду про драконов, эльфов и магов Забава потом бережно переносила на свой старенький комп и удовлетворённо сверкала синими глазами, по несколько раз перечитывая написанное.

Сейчас явно был другой случай, потому что девчонка записывать ничего не собиралась. Она смотрела куда-то вниз, как смотрят сумасшедшие или самоубийцы.

И только Габриэль успел об этом подумать, как девушка опасно качнулась, перенося вес своего тела вперёд, и судорожно вцепилась тонкими пальцами в выступ оконной рамы.

Холодный ветер вмиг запорошил русые косы девушки хрупкими снежинками, почему-то делаая её похожей на Снегурочку из человеческих сказок.

Она тяжело дышала, и вырывающееся из её рта облачко пара морозным инеем оседало на густых ресницах. Круглая, словно стеклянная бусинка, слеза вдруг выкатилась из уголка правого глаза Забавы, прокладывая на её щеке блестящую дорожку.

Словно в замедленной раскадровке, Габриэль увидел, как чёрные зрачки сужаются в маленькие точки, и за секунду до того момента, когда ситуация из разряда критических перешла в непоправимую, ангел совершенно ясно понял, что произойдёт дальше.

Сложенные за спиной крылья дёрнулись, сбрасывая Габриэля с насиженного подоконника, хлопнули над головой, пуская воздушную волну в лицо девушки, свесившейся из окна уже почти наполовину, и прежде чем она успела совершить ужаснейшую глупость, ангел, являя ей свой лик, сердито поинтересовался:

– Далеко собралась?

Нет, определённо с пьяницами Габриэлю работать нравилось больше! По крайней мере, они всегда смотрели на него с пиететом и уважением. А по тому, как открылся рот Забавы и в ужасе распахнулись глаза, можно было подумать, что узрела она самого настоящего чёрта!

Отшатнувшись от собственного ангела-хранителя, словно от какой бесовщины, девушка подвернула руку, потеряла координацию и грохнулась с подоконника на пол, по пути падения опрокинув свою инвалидную коляску.

Конечно, это было вопиющим нарушением протокола, за которое Габриэля потом несомненно накажут, но способ, который он выбрал, чтобы остановить свою подопечную от греха ещё более страшного, чем его собственный проступок, был единственным шансом её спасти.

Видимо, при падении она сильно ушиблась, потому что так и осталась лежать на полу, тихо постанывая и беззащитно поджав к животу отрезанные почти до колен ноги.

Взмахнув крыльями, Габриэль опустился на подоконник и, нагнув голову, шагнул в проем окна, легко спрыгивая на пол и подхватывая Забаву на руки.

– И что за дурость, ей богу? – проворчал он, развеивая мешающие развернуться в тесной кухне крылья и следуя с девушкой в большую комнату к мягкому дивану, очутившись на котором, она издала болезненный звук, сподвигнув Габриэля на очередную тираду:

– Что, больно? – прищурился он, абсолютно точно не испытывая в этот момент никакой жалости к несостоявшейся самоубийце. Жалость в таких случаях причиняла им лишь ещё больший вред. – Так это ты всего лишь с метровой высоты навернулась, а вот если бы выпала из окна своей квартиры, то тогда вариантов у тебя было бы несколько. Четвёртый этаж абсолютной гарантии моментальной смерти совершенно не даёт. Ты могла бы, конечно, получить травмы, несовместимые жизнью, но всё равно умерла бы не сразу и в страшных мучениях. А в худшем случае ты отделалась бы переломом позвоночника, и своё довольно манёвренное кресло сменила бы на жёсткую больничную койку в каком-нибудь пансионате для инвалидов. До конца своих дней! То ещё удовольствие! Так чем тебе твоя жизнь не нравится?

– Вы кто? – вероятно, придя в себя от первоначального шока, хлопнула огромными синими глазищами девушка.

– Ангел, – для пущей убедительности вновь явил свои крылья Габриэль. – Не заметно?

– К-какой ещё ангел? – осознавая весь ужас положения, пролепетала Забава.

– Ну-ну, – сложил на груди руки Габриэль. – То есть драконы, гоблины и орки – это у нас в порядке вещей, а ангелы-хранители – нонсенс? Дискриминация!

– Ангелы-хранители... – с совершенно глупым выражением лица повторила девушка, и в глазах её отразился такой комичный ужас, что Габриэль не удержался и насмешливо фыркнул:

– Это такие создания высшего порядка, призванные охранять и защищать дурёх вроде тебя, у которых в голове две извилины, и те почти прямые. Ну, так я повторюсь: чем жизнь-

то тебе твоя не угодила? И сколько раз мне ещё нужно её спасать?

Похоже, девчонку основательно заклинило, потому что выглядела она определённо как музейная статуя, застывшая с тем выражением лица, которое ей придал скульптор.

– Спасать? – широко распахивая глаза, взмахнула густыми ресницами она.

– Спасать, – передразнил её Габриэль. – Я её из рук самой Костлявой вытащил, а она меня под протокол подвести собралась! Меня из-за тебя, между прочим, до котов и собак могут понизить.

– Вы какой-то неправильный ангел, – сразила наповал своим заявлением Габриэля девушка, опасливо прижимаясь спиной к диванной подушке.

Не знай Габриэль, что Забава намерено и мухи не обидит, счёл бы это за оскорбление. Нет, конечно, годы общения с Семёнычем несколько изменили манеру поведения Габриэля, но не настолько кардинально, чтобы счесть его невежей и хамом.

– Очень интересно, – он демонстративно сложил на груди руки и скрестил крылья за спиной. – А правильный в твоём понимании – это какой?

У девушки дёрнулись щека и глаз, выдавая крайнюю степень нервозности, но зато острый язык не подкачал:

– В моём представлении ангелы великодушны, мудры, тактичны и милосердны, – нахально заявила мелкая козявка так, словно Габриэль отродясь всеми этими качествами не обладал.

Это, право слово, было обидно! И Габриэль, привыкший к совершенно откровенным дискуссиям с Нил Семёновичем, возмущённо выдал:

– По-твоему, милосерднее было бы позволить тебе сейчас упасть или погибнуть в той страшной автокатастрофе?

Что-то обжигающее и пронзительное живым мотыльком забило в широко распахнутых глазах Забавы. С лица её схлынули краски, а взгляд приобрёл какую-то обречённость.

– Так это вы?.. Зачем?.. – прошептала она. – Зачем вы это сделали? – и от отчаяния, звенящего в её голосе, ангелу, совершенно не испытывающему человеческих чувств,

захотелось хоть на миг влезть в шкуру девчонки, чтобы понять, что вообще ей сейчас движет.

– Потому что жизнь бесценна! – растерянно озвучил прописную истину Габриэль, не понимая, что происходит, и почему девушка снова плачет.

– Разве это жизнь? – она отчаянно ударила ладонями по своим ногам и устремила на Габриэля затопленный сверкающими слезами взгляд. – Кому я такая нужна? Почему вы не спасли моих близких? Почему позволили умереть родителям и бабушке? Зачем оставили меня одну?

Вопросы сыпались на ангела, как горох, и столько горечи звучало в каждом сказанном слове, что Габриэлю стало ужасно стыдно, хотя и вины его в том вроде бы совершенно не было.

– Прости, но я не нёс ответственность за жизнь твоих родителей, – высказался в своё оправдание Габриэль. – У них были свои ангелы-хранители. И если они не спасли твоих мать и отца, то только потому, что их время, отмеренное творцом, вышло. Богу тоже нужны хорошие люди, – мягко заметил он.

– Богу? – всхлипнула девушка. – Мне они нужны больше, чем вашему богу! За что? За что он так со мной? Что плохого я ему сделала?

– Это ошибочное и предвзятое убеждение людей – во всех бедах винить Всевышнего и считать, будто он вас за что-то наказывает. Вы сами совершаете ошибки, а потом сетуете на высшие силы за то, что они не остановили вас вовремя!

– Скажите это не мне, а тому отморозку, который пьяным сел за руль! Где был его ангел-хранитель? Почему не предотвратил беду? Почему позволил погибнуть трём ни в чём неповинным людям?

– У парня, по вине которого случилась авария, не было ангела-хранителя, – хмуро сообщил Габриэль, и девчонка внезапно открыла рот, словно ей стало не хватать воздуха, а потом начала истерично смеяться.

В совокупности с льющимися по её щекам слезами это выглядело жутковато, и Габриэль уж было подумал, что довёл неподпечную своим внезапным появлением до нервного срыва, но Забава вдруг зло утёрла лицо ладошками и с вызовом посмотрела в глаза ангела:

– Скажи, а зачем вы тогда вообще нужны, если пьяный водитель, убивший мою семью, умудрился выжить без всякой вышней помощи? И у него, в отличие от меня, руки и ноги целыми остались!

Габриэль бы сказал, что это происки лукавого, если бы не видел всё воочию. Пьяному засранцу просто повезло. Так бывает. И в этом действительно есть какой-то элемент несправедливости.

– Твоему отцу давно надо было поменять машину на более современную, – нравоучительно возразил ангел, – а не носиться со своей «Дуней», как с каким-то живым существом!

– А что же ты не подсказал мне, где взять на новую и крутую иномарку денег? Помог бы клад найти, или ограбить кого! – в тоне Забавы слышался едкий сарказм, который несколько дезориентировал Габриэля. Никогда он не слышал, чтобы девушка с кем-то так разговаривала.

– Можно было откладывать понемногу, – высказался он, получив в ответ ещё более резкий отпор:

– Сразу видно, что вы, ангелы, не от мира сего, и питаетесь святым духом. Людям же за еду, одежду и разного рода услуги приходится платить! Откладывать можно, если у тебя лишние деньги водятся. А вся зарплата родителей уходила на бабушкино лечение, оплату квартиры и мне на учёбу. Миллионерами их твой щедрый бог почему-то не сделал!

– Твои родители могли не покупать загородный участок, а потратить эти деньги на новую машину! – возразил на это Габриэль.

– Дачу купили ради бабушки, потому что врачи сказали: ей нужен свежий воздух и покой! – крикнула Забава, кажется, ярясь тем сильнее, чем больше Габриэль с ней спорил, и поскольку в планы ангела это совершенно не входило, он решил сменить тему разговора:

– К сожалению, я не могу изменить прошлое, но в состоянии повлиять на твоё будущее. В этом моё предназначение. И неужели причина попытки твоего суицида кроется в тоске по родителям и обиде на Бога?

Девушка отвела взгляд и уткнулась им в стену напротив, явно не желая отвечать.

– Ты неправильный ангел, если ничего не понял, – тихо отозвалась она, потянув на себя скомканный плед и прикрыв им ноги, словно стеснялась того, что Габриэль видел их несовершенство.

– Я явно что-то упустил, пока смотрел на тебя и размышлял о том, что ты нашла в том самовлюблённом типе, за которым ежедневно наблюдаешь из окна. И что меня всегда интересовало - почему, делая выбор между красотой и умом, тысячи юных дурочек сразу останавливаются на первом пункте, и только потом начинают разбираться, а что же скрывается за внешней оболочкой?

Ты почему-то не влюбилась в соседа Валерку с третьего этажа, который ремонтирует тебе компьютер, бегаёт в магазин и помогает спускаться на улицу. У него, безусловно, нет той внушительной мышечной массы и импозантной внешности, что у твоего обожаемого Феликса, но зато он честен, бескорыстен и добр, что намного важнее.

Из уст Забавы вырвался какой-то насмешливый выдох:

– Странно слышать это от вас. А скажите, некрасивые ангелы вообще бывают?

Вопрос несколько обескуражил Габриэля, возможно, именно поэтому он и уточнил:

– Не понял?..

– Вы вообще знаете, как выглядите? – впилась в него своими голубыми глазищами девушка.

Габриэль немедленно развернулся, ища в зеркалах серванта своё отражение.

Непонятно, что девчонке не понравилось, но всё вроде бы было на месте: и светлые волнистые волосы, достигающие до плеч, и тонкие черты лица, и небесно-синие глаза...

– В принципе, знаю, – кивнул ангел. – Не могу только предположить, что в моём облике тебя смущает.

– Вы красивый, – словно это было ужасным преступлением, воскликнула Забава. – Почему у вас на носу нет бородавки, на щеке уродливого шрама, а за спиной горба и сломанного крыла? Ведь вы же проповедуете красоту души, а не тела! Так зачем вам эта привлекательная оболочка?

Потрясающе, но на такие темы Габриэль не разговаривал даже с Нил Семёновичем, и тут вдруг совершенно неожиданно подопечная, кажущаяся ангелу заурядной и скучной, стала вдруг интересной собеседницей.

– Считается, что такой образ вызывает у людей доверие и расположение.

– Вот вы сами и ответили на свой вопрос. Красота радует глаз, притягивает и вызывает желание до неё дотронуться. И не важно, что это – приятное лицо, картина на стене, удивительный цветок или пламенеющий закат. Видимо, вашему Богу тоже нравится окружать себя красотой, раз он создал ангелов именно такими – совершенными!

Под этим углом Габриэль ситуацию никогда не рассматривал. Его, собственно, мало интересовала внешность, как своя, так и его небесных собратьев. Хотя если задуматься, то все ангелы действительно были красивыми.

– А вы, кстати, ангел-девочка или мальчик? – убила его своей вопиющей безграмотностью Забава.

– Ангелы антропоморфны и бесполы, – менторским тоном провещал Габриэль, получив новый вопрос в лоб:

– И как вас зовут, бесполое существо?

Ангелу захотелось ответить что-то в стиле Семёныча, вроде: «Меня не зовут, я сам прихожу», но так как девчонка и без этого считала его неправильным, пришлось коротко представиться:

– Габриэль.

– Странно, – хмыкнула Забава. – А имя-то у вас мужское! Почему вас Габриэлой или, скажем, Марусей не назвали? Значит, вы всё-таки мужчина?

Нет, несмотря на отсутствие присущих людям половых принадлежностей, Габриэль всё-таки ощущал себя мужчиной. Правда, после вопросов Забавы у него возникли серьёзные сомнения в собственной классификации.

– Я ангел! И этим всё сказано, – вроде бы расставил все точки над «i» Габриэль, которые одним своим заявлением тут же стёрла Забава:

– Слово «ангел» мужского рода. Стало быть, все ангелы – мужчины! А бесполыми вас сделали для того, чтобы избавить от соблазна!

У Габриэля отвисла челюсть.

– Что?!

– Вы же подсматриваете за людьми? – развивая свою теорию дальше, гневно сузила глаза девушка. – Нарушаете наше личное пространство! Смотрите, как мы едим, спим, ходим в душ, туалет... Кстати, ты наблюдал за тем, как я переодеваюсь?

– Эм... ну... это как бы... – начал мямлить Габриэль, впервые за всю свою долгую практику не нашедший подходящих для определения ситуации слов.

– Значит, наблюдал, – мрачно констатировала девушка. – Как вам не стыдно?! Вот для этого вам гендерный признак и отрезали! – сурово резюмировала она, – А то половина населения планеты уже бы с крыльями ходила.

– Ну, знаешь! – возмущённо взвился Гибриэль. – Меньше фантазировать надо! Начиталась своих книжек бестолковых! Я тебе не какой-нибудь утомлённый солнцем эльф или brutальный орк с повышенным либидо! Меня подобные глупости не интересуют!

– Да-да! Уже слышала! Вы – существо высшего порядка, просто подглядывающее за невинными девушками. Как это по-научному называется?.. Вспомнила! Вуайеризм!

– У меня работа такая! – ошалев от подобного заявления, дёрнул крыльями Габриэль, нечаянно сбросив с комода за спиной стеклянную статуэтку балерины, которая со звоном ударилась о пол и разлетелась на мелкие кусочки.

– Это была мамина любимая, – потерянно прошептала Забава. Взгляд её, ещё минуту назад сверкавший вызовом и упрямством, потух, заставив Габриэля чувствовать себя самым отвратительным в мире ангелом-хранителем. Как же он мог быть таким неосторожным? Ведь знал же...

– Я нечаянно, – виновато уронил он. – Я могу склеить!

– Не надо. Ни к чему это. Я всё уберу и выброшу в мусор, – безжизненно произнесла девушка, подавшись вперёд, как делала всегда, когда собиралась пересесть в свою коляску. Вот только, видимо, забыла, что та осталась валяться на кухне, поскольку сюда Забаву принесли на руках.

– Я сам! – хоть как-то пытаюсь загладить вину, пробормотал Габриэль и бросился прочь из комнаты, пребывая в странном и доселе неведомом ему состоянии.

Не зря, видимо, в своде правил, установленных для ангелов-хранителей, прямой контакт с людьми строго воспрещался. С Семёнычем дальше задушевных бесед не заходило, но к Забаве пришлось прикоснуться. Иначе как бы он её с пола поднял? Да и не думал Габриэль о запретах, когда увидел, как девушка упала. А теперь в полной мере ощущал на себе последствия контакта, словно он пробил в ангельской броне брешь, делая Габриэля излишне чувствительным и уязвимым.

Перевернув опрокинутое кресло, он собрался было отвезти его к своей подопечной, как взгляд его вдруг упал на раскрытое окно, ставшее причиной форс-мажорной ситуации.

Белый снег запорошил подоконник, и холодный ветер своевольно гулял по маленькой кухне, наполняя её морозным холодом.

Непривычные мысли яркой вспышкой возникли в голове Габриэля. Не хватало ещё выхолодить квартиру, чтобы Забава простудилась и заболела. И какой же он после этого ангел-хранитель?

Ухватившись за створки, ангел резко их захлопнул, а когда уверенно повернул щеколду, наконец, догадался, что толкнуло девчонку на столь отчаянный и необдуманный поступок.

В парке на скамейке, прямо напротив Забавиною окна, сидел тот самый Феликс, будь он неладен. Парень обнимал за плечи яркую брюнетку, что-то игриво нашёптывал ей на ухо, и тогда девушка весело смеялась, запрокидывая голову и подставляя поцелуям своего ухажёра накрашенные красной помадой губы.

– Нашли место, где предаваться разврату! – сокрушённо покачал головой Габриэль, почесал затылок и перевёл взгляд на стаю ворон, сидящих на соседнем дереве.

– Я неправильный ангел, – тягостно вздохнул он, вынуждая птиц поменять дислокацию, чем несколько испортил свидание мгновенно вскочившей со скамейки парочке. – Говорят – это к деньгам, – пространно заметил он, наблюдая за тем, как брезгливо стирают с себя снегом птичий помёт девушка и парень, ретиво покидая парк.

Эх, заметил бы Габриэль их раньше, спокойно бы завёл в какое-то совершенно другое место – подальше от глаз Забавы. Права она, видимо: никудышный из него ангел-хранитель.

Толкнув коляску вперёд, Габриэль вернулся в зал, застав девушку сидящей на краю дивана. Она кусала губы, хмурила брови и выглядела какой-то взъерошено-растерянной.

– Что опять произошло, пока я выходил? – испугался ангел, озираясь по сторонам.

– Это похоже на бред или галлюцинацию, – разглядывая Габриэля с очевидным скепсисом, пожалала плечами Забава. – Я бы подумала, что это побочка от лекарств, но точно помню, что ничего сегодня не принимала. А может, я сплю, и вы мне снитесь? Вы же не настоящий?

А вот это уже было оскорблением! Мало того, что неправильный, так ещё и ненастоящий?

Габриэль однозначно решил обидеться и уйти. Вот только осколки сначала уберёт, и сразу исчезнет!

Вытащив из-за шкафа старенький пылесос, ангел воткнул шнур в розетку и, гордо продефилировав мимо удивлённо раскрывшей рот девушки, включил технику, сосредоточившись на уборке.

И пусть только кто-то скажет, что он не позаботился о том, чтобы Забава, по утрам делающая зарядку на полу, не дай бог, не загнала в руки стекло!

Закончив с чисткой ковра, Габриэль подвёз к дивану кресло и на него в упор уставились голубые озёра удивлённых глаз девчонки, вдруг зачем-то со всей силы ущипнувшей себя за руку, а потом бесцеремонно тронувшей край белых ангельских одежд.

– Зараза... Я точно схожу с ума. Ангел с пылесосом тянет на «Оскара». Только не говори, что ты ещё и на машинке вышивать умеешь, – выдохнула она, как-то неожиданно для Габриэля переходя на ты.

– Тебе что-то надо вышить? – недоумённо поинтересовался он.

Нет, в принципе ангелы умеют делать абсолютно всё, но с вышивкой уже был перебор. Одно дело было направлять руку

покойной бабули Забавы, вечно придумывающей девчонке какие-то красивые наряды – и другое делать это самому.

– Это из мультика, – практически сняла своими словами с плеч Габриэля тяжёлый груз девушка. – Там кот на машинке вышивать умел. Слушай, – неожиданно меняя тему беседы, оживилась она. – Если ты давно за мной наблюдаешь, почему появился только сегодня?

Хороший вопрос! Собственно говоря, Габриэль не появился бы и сегодня, если бы ситуация не вышла из-под контроля. Обычно в доме Забавы почти весь день ошивался кто-то из работников социальной службы или общества инвалидов, которые помогали девчонке по дому, учили справляться с хозяйством без посторонней помощи или просто развлекали беседой. А сегодня, накануне новогодних праздников, она попросила никого к ней не приходить, якобы не хотела отрывать людей от семейных забот и предпраздничных приготовлений. Если бы Габриэль знал, что она задумала, обязательно бы внушил кому-нибудь остаться с девушкой до вечера.

– Мне нельзя появляться на глаза людям. За это меня обязательно накажут. Но ты не оставила мне выбора, – признался Габриэль. – А другого способа как тебя остановить я не успел придумать.

Девушка виновато закусила губу, опустила голову, и ангел, так мягко и участливо, как только мог, произнёс:

– Он того не стоит, малышка. Правда.

В голубых глазах Забавы промелькнули стыд и чувство раскаяния, давая Габриэлю робкую надежду, что подобного больше не повторится.

– Прости. Не знаю, что на меня нашло. Это была минута отчаяния, – шепнула она и вдруг заговорила – сбивчиво, тихо, но так проникновенно и искренне, что Габриэлю захотелось завернуть её в свои крылья и закрыть ими от всего, что её терзало и мучило.

– Так горько вдруг стало, – хлюпнула носом девушка. – Я ведь и раньше понимала, что ему не пара. А теперь и подавно. Но ведь праздники же! Все ждут чуда... Я и чуда не ждала. Просто увидеть Феликса хотела. Я когда вижу его, так хорошо на душе становится... А тут... Не думала, что будет так больно. Почему так

больно? – Забава распахнула сверкающие непролитыми слезами глаза и вопрошающе посмотрела на Габриэля.

Если бы он знал ответ! Он и чувств подобных не испытывал. Боль для ангела была понятием абстрактным и метафорическим. Как объяснить кому-то то, чем тебя не наделил Господь?

– Потому что ты живая, – ничего другого не придумал Габриэль. – Люди слишком чувствительны и идут на поводу у своих эмоций.

– Да, – покорно кивнула девчонка. – Я понимаю. Я неправильно отреагировала. Мне нужно было за него порадоваться. Ведь когда любишь кого-то, прежде всего желаешь ему счастья. Это, наверное, замечательно, что он нашёл свою судьбу.

Габриэль поморщился, но промолчал. Судьбу! Чистая наивная душа! Да у него таких «судеб» – каждый день новая. Сколько раз он их от окна Забавы отводил! А может, и не надо было. Быстрее поняла бы, что её Феликс – самый обычный пикапер и бабник.

– Ты слишком идеализируешь этого... – Габриэль запнулся, дабы не сказать о предмете обожания Забавы какую-нибудь едкую колкость. И что на него, правда, нашло? Почему этот парень вызывает у абсолютно бесстрастного к человеческим страстям ангела непонятное отторжение и неприязнь? – Феликса. Ничего особенного Просто красивый фасад, за которым нет ничего интересного и стоящего!

– Ты ничего о нём не знаешь! – обиделась девушка, мгновенно бросаясь на защиту парня.

– А много ли знаешь о нём ты? – иронично приподнял бровь Габриэль.

– А мне и не нужно ничего о нём знать, – поджала губы девушка. – Может, мне просто нравится мечтать и смотреть на него, даже когда он просто проходит мимо, меня не замечая. Твой бог ведь не запрещает мечтать?

– Нет, – тяжело вздохнул Габриэль. – Но если честно, то мне больше нравится, когда ты мечтаешь о своих гномах, драконах и эльфах. По крайней мере, из-за них тебе не хочется выброситься из окна.

– Ты читал сказки, которые я пишу? – порозовела Забава, выдавая крайнюю степень своего смущения.

– Читал, – неохотно признался Габриэль. – Должен же я был понять, что творится у тебя в голове!

– И как? – широко распахнула глаза девушка и устремила на ангела пронзительный взгляд.

– Если честно, плохо понял.

Забава удручённо закусила губу, поменялась в лице и печально вздохнула:

– Так и знала, что ерунду пишу...

– Вообще-то я о твоей голове, а не о сказках говорил! – сообразив, что его ответ истолковали неправильно, тут же встрепенулся Габриэль. Истории девчонка писала весёлые и трогательные, каждый раз удивляя ангела своей неуёмной фантазией. – Они смешные и интересные. И ты совершенно зря никому не даёшь их читать.

– Кому? – грустно улыбнулась девочка и обвела потухшим взглядом пустую комнату.

– Да вот хотя бы соседу Валерке, – предложил Габриэль. – Или тёткам из реабилитационного центра.

– Думаешь, им это будет интересно? – кисло пожала плечами Забава, не воспринимая слова ангела всерьёз.

– Ты и представить себе не можешь, сколько людей в мире обожают подобную ерунду! – бездумно ляпнул Габриэль и тут же мысленно прикусил себе язык. Всё же годы общения с Семёнычем давали о себе знать, и не всегда положительно.

– Значит, всё-таки ерунду, – повесила нос девчонка.

– Послушай, то, что я не являюсь поклонником подобного жанра, ещё не делает меня его мериллом. Меня вообще больше философские трактаты привлекают, а не романтическое фэнтези! Но даже, несмотря на это, отдельные моменты в твоих книгах нравятся даже мне.

– Это какие? – тут же хватко вцепилась в Габриэля Забава.

– Ну... там где про полёт драконов. Или по волшебные рассветы и закаты.

– Полёт драконов?.. Слушай, – вдруг алчно сверкнула глазами девушка. – Это же настоящий новогодний подарок! А помощи! У тебя же крылья! Ты умеешь летать! А я не то, что на самолёте, даже на чёртовом колесе никогда не каталась! Я

понятия не имею, как описать чувство полёта! Не получается у меня. Не то всё! Неправдоподобно! Расскажи, как это на самом деле отрываться от земли и подниматься в небо!

Габриэль моргнул, застигнутый врасплох необычной просьбой. Для него полёт был таким же обычным делом, как для людей ежедневная ходьба. Какими красками он должен был описать подобное действие, чтобы вдохновить Забаву. Да и какой из него писатель? Он в этом ровным счётом ничего не понимает!

И ангел уже было собирался сказать об этом вслух, как вдруг посмотрел в лицо девушки. Она глядела на Габриэля с такой верой и радужной надеждой, разбить которые у него просто не повернулся язык.

Мысль крамольная и безумная прострелила куда-то в висок, и Габриэль удивлённо замер, понимая, что никогда ещё ничего подобного в его голову не приходило. Его накажут. Определённо накажут! А девчонке сотрут память об этом дне. Но даже если так, в её бессознательном, это останется навечно, как дивный и удивительный сон, как момент непередаваемого счастья и ожидания чуда. Разве она его не заслужила?

– Одевайся! – поражаясь собственной решительности и глупости, ринулся к шкафу Габриэль, вытаскивая оттуда тёплую одежду девушки, куртку, шарфик и шапку.

– Зачем? Что мы будем делать?

– Летать! – улыбнулся Габриэль и осторожно пошевелил крыльями у себя за спиной.

За этот миг абсолютного счастья, осветившего лицо девушки, можно было стерпеть всё: и выволочку архангела, и любое его наказание. Габриэль и представить себе не мог, что человеческая улыбка может таить в себе огромный красочный мир. В глазах Забавы сияла радуга, вспыхивали фейерверки и разгорались зарницы, и никогда ещё за весь свой долгий ангельский век Габриэль не чувствовал себя таким важным и нужным оттого, что подарил кому-то радость.

